

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, БОРЬБА ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ В АРГЕНТИНЕ И РОССИИ: НЕСКОЛЬКО КРАТКИХ ВЫВОДОВ. *Резюме*

Франсуаза Досэ, Энрике Перуцотти

Первое заметное различие между Россией и Аргентиной заключается в исторических путях, пройденных этими странами. В течение большей части XX века Аргентине не удалось установить стабильный демократический режим, но такие попытки предпринимались, и в этом ее резкое отличие от России, где советский режим неизменно правил несколько десятилетий. Долгая и богатая традиция (как бы она ни была прерывиста) демократической борьбы в Аргентине позволила бывшим общественным и политическим деятелям вернуться на главную политическую арену, как только закончился период авторитаризма. В этом случае можно говорить о воскрешении политического и гражданского общества. Россия столкнулась с более глубокой проблемой — ей пришлось создавать гражданское общество практически с нуля.

Второе различие состоит в самом переходе к демократии. В результате российских политических перемен (хотя они и поддерживались новыми социальными движениями) вожди старого коммунистического режима остались при власти. В Аргентине ситуация сложилась иначе: после провала в Фолклендской войне военный режим утратил способность диктовать условия собственного ухода и оказался вынужден передать власть демократической администрации.

Третье различие связано с появлением и траекторией правозащитного движения в обоих контекстах. Аргентинское правозащитное движение было рождено, по большому счету, семьями пострадавших: их наиболее известная организация называется «Матери с Майской площади». Первая демократически избранная администрация приняла правозащитную программу, и начался исторический судебный процесс над руководителями военной диктатуры. Российское правозащитное движение, напротив, не имело возможности опереться ни на какие гражданские и политические организации, кроме диссидентского движения. Когда же

демократия была установлена, вопросы защиты прав человека не стали главными в программе действий новой администрации.

Важным пунктом сравнения гражданского общества и правозащитного движения в России и Аргентине является соотношение местных политических традиций и дискурса прав человека. В России не было опыта борьбы за эти права, поэтому диссиденты и демократическая общественность были вынуждены полагаться на заграничные модели. В Аргентине возможные модели дискурса о правах человека также были маргинальными, и изначально правозащитникам было сложно заручиться поддержкой своих сограждан. Однако требования соблюдения гражданских прав и подотчетности власти были в итоге приняты значительным сектором населения.

Ключевым является вопрос о том, был ли дискурс прав человека воспринят какими-либо сегментами российского общества (и если да, то какими) настолько, что сможет лечь в основу новой демократической культуры. Сможет ли он вдохновить новое, постправозащитное поколение социальных движений и неправительственных организаций, которые смогли бы развить политику законности и правопорядка в ранее непредвиденных направлениях?

Перевод с английского Ксении Черкаевой под редакцией Михаила Габовича